

Часть первая.

Гриша Рыкова привыкла к смерти. Притом ко всякой – насильственной, ритуальной, случайной, непреднамеренной, запланированной и даже массовой. Рыкову пугают только последствия смерти – бессовестно наживающиеся на горе ритуальщики, бабки-плакальщицы, гроб, который должен простоять дома открытым три дня, крест над могилой с самой ужасной фотографией и поминки с пьяными родственниками. Гриша даже могла бы считаться экспертом в смерти, настолько она была к ней близка.

– С тобой что ни день, то убийство, – Карпов виляет между машинами и приветственно поправляет свою патрульную летнюю кепку. На дворе снежно завершается зима. Гриша – растрепанная, в штатском, сердитая и выдернутая раньше времени, в целом, выглядит удачливой для пяти часов утра. Жмурики в их маленькой околесице действительно редкость. Если мотивы убийцы будут посерьезнее бутылки водки, то можно будет получить премию.

– Репутация так себе, – недовольно отвечает она и широко зевает в ладони, а после усиленно трёт лицо и снова фокусирует взгляд на Карпове, который уже вовсю заигрывает с ней жабрами. – Воротник поправь.

Он, стыдливо проверяя форму, задерживается за её спиной и укорительно смотрит вслед. Рыкова, к большому сожалению, приходится ему удручающе вредной напарницей, вернее – коллегой, с которой они сталкиваются то тут, то там. Номинально напарниками они друг другу являться не могут: их распределили разными категориями, и несмотря на то, что Карпов всего лишь патрульный милиционер, а Рыкова – оперуполномоченная по особо важным делам, он был выше её и физически, и по правовому статусу.

Не то, чтобы жизнь Петра Карпова как навыв слаще, чем жизнь Гриши, как хорта, но он, по её мнению, хотя бы выбрал свою жизнь сам, а не получил обязательство в желто-коричневой справке ветеринарно-санитарной экспертизы. Однако, если Гриша и похожа на злую собаку метафорично, то внешний облик Карпова приковывает взгляд к буквальным отличиям. Сердце его по-человечески колотится, но под тонкой светлой кожей по синим венам к живым жабрам ползёт холодная рыба кровь.

– Петь, ну?

– Не бесись. На, – он пихает ей в руки протокол и опись места происшествия, не желая услужливо читать всё вслух. – Фас.

– Корректнее, конечно, сказать «апорт», – отвечает Гриша, -- я же тело должна принести в зубах в морг, а не броситься и разорвать...

– Понятно, почему ты уже год работаешь одна.

А вот Грише непонятно. Она – выдрессированная служебная собака, поводок которой привязали к столбу и бросили. Как по книжкам Павлова, образцовая – невысокого роста, крепкого телосложения, челюсть развитая, все сорок два зуба на месте, хваткая сильная, уровень послушания по шкале Брюхоненко – 98. У неё и в дипломе среднего специального образования указано «служебный хорт класса А», и в трудовом договоре написано «требуется работа в паре с человеком или иными видами по согласованию», и даже председатель компартии говорит – одиночество в работе порождает безответственность, и, мол, «хорошо бы поводку оставаться в руках», но сработаться с Гришей после смерти бессменного напарника не удалось никому.

Он сделал с ней то, чего делать не мог по закону – заставил поверить, что она сама по себе почти что равная ему, настоящему человеку. Молодого Анвара Сулейманова ещё в юности, младшим лейтенантом, прислали сюда служить, потому что было не жалко – в родном ауле не осталось даже дальней семьи, а ради своей страны он героически пронёс красное знамя аж до самого Славгорода.

Чтобы добраться до него хотя бы из Москвы, потребуется два самолёта, поезд и ещё минут сорок на машине-буханке. Потом пройти долгую проверку и осмотр на КПП, подписать кипу бумаг, получить приказ о неразглашении и тогда, может быть, смурной пограничник откроет двери города перед приезжим, впуская в устоявшуюся жизнь автономного города закрытого типа свежую кровь.

Грише повезло – она здесь родилась, и высовываться отсюда не имеет права. Каждый рожденный в городе гибрид должен был выполнять гражданские обязанности, блюсти местный закон и выживать любыми доступными способами. В новую реальность Анвар адаптировался не быстро, но к своим сорока годам уже был почетным майором Славгородской милиции, который принял шестнадцатилетнюю щенка-Гришу как напарницу, а следом – как дочь.

Они, вроде как, сильно сдружились, и он разрешил ей не слушаться, и даже не носить ошейник; или что там они носят? И ещё они друг за друга стояли горой, как настоящая семья. Это все, что Карпов о них знал. С тех пор, как Анвара застрелили прямо на задании – никто в милиции помимо памятных дней о нём не говорит. И Гриша тоже.

– Как там сестра? – отрешенно интересуется Гриша, лишь бы неловкое молчание оборвалось новым укором. – Её уже перевели в поселение?

– Ещё в СИЗО, наверное, – Карпов пожимает плечами. Видно, что от воспоминаний ему стало не по себе. – Тебе виднее. Это же ты её арестовала.

– Такая вот у меня работа. Не я законы придумываю.

– Но ты их поощряешь.

Каждая женщина в праве выбирать сама, но рожать третьего поперёк закона – прекрасно зная, что у тебя заберут не только его, но ещё и других детей – глупость, которую прожженному правилами мозгу не понять.

– Слушай, – из груди Гриши неожиданно вырывается рык. Она приближается к Пете и настороженно прислушивается к его дыханию, которое переключается с человеческого на навье. Сам по себе Петя неопасный и даже приятный, но пугливый. Ненадёжный. – Статью третью гибридного кодекса знаешь?

«Гибрид обязан слушать и исполнять закон. Наказание за непослушание – от года тюрьмы до смертной казни».

– Знаю.

– Ну и всё.

Он ей когда-то нравился, и они даже спали вместе пару раз, но, когда произошла ситуация с Мальвой, Петю окрестили позором семьи за отсутствие сил и права помочь ей. Ему больше не рада родная мать, которой выпала доля воспитывать Мальвиных близнецов. Это всё, что Гриша знала.

– Ты последнее время сама не своя. – Он говорит так, словно ему есть дело до Гришиных проблем. Такие, как Петя, способны беспокоиться только о том, что способны сами решить. Как меланхоличный мужчина, он предпочитал оставаться в паре шагов от бывшей боевой подруги.

– Я и никогда не была сама своей. Я казённая. Можешь быть свободен.

Гриша козыряет протоколом, прикладывая руку ко лбу. На запястье виднеется татуировка с персональной меткой – X287693. Повезло, что клеймо больше не выжигают.

Она улыбается – иронично, но статно. Гриша может показаться обыкновенной красивой женщиной, но она родилась псовым гибридом. И Карпов вполне похож на хорошего мужчину, но живёт с жабрами на шее и тягой к воде. И вынуждены они вести своё очередное тупиковое расследование в городе, который перенаселён гибридами шести видов.

Гришина мама всю жизнь отбыла санитаркой. Отбыла – и на работе, и дома. Единственное, что она держала в чистоте – это свою форму. Штаны с халатом выдавалась больницей всего раз в пять или даже десять лет, и, несмотря на пролитые утки, вывернутые кишки и другие прелести тяжкого труда, форма должна быть накрахмаленной и идеально выглаженной. Из-за привычки настирывать ткань до блестящей белизны, мамыны руки всегда кололись от хлорки, и прикосновения её казались неприятными. Из всех в семье только Гриша получила метку «служебной», а потому могла претендовать на зарплату, социальный пакет, почёт и даже на уважение деда. И вот, куда это её привело.

– Да подыми ты, собака, ноги! – Санитарка в сердцах пинает шваброй уснувшего на лавочке перед кабинетом мужчину, который, может быть, уже и умер. – Напьются и приходят в тепло, сволочи! Сил нет!

Славгород, помимо своего уникального статуса города, о котором никто не должен ничего знать, является ещё и удручающе серой провинцией, которой при нормальных условиях присвоили бы статус максимум колонии-поселения. Понурые лица, жесткие маты со всех сторон; и даже здесь, в больнице, никакого сострадания, покоя и помощи не дождёшься. Суровая славгородская жизнь стёрла не одну улыбку, в том числе и с врачебных лиц.

Крыло, в котором сидит Гриша, предназначено для приёма гибридов, и потому оно больше походит на полуразвалившуюся пятиэтажку на окраине. Внутри пахнет сырým подвалом, людей на первом этаже – не протолкнешься. Почти завянувшие цветы, давно не белённые потолки, отваливающаяся зелено-голубая краска от стен, похожих на подъездные, и потертые каменный пол, измученный временем, каждую трещину которого Рыкова уже запомнила, ведь пялилась в него час.

Понедельник ей дали свободный, хотя выходной в её жизни – роскошь. Нервное перенапряжение и выгорание не причина забирать с её плеч часть работы, и начальство не прельщает тех, кто жалуется, неважно выглядит, вступает с кем-то в отношения или хоть иногда радуется. Анвар говорил, что пусть Гришина метка кажется ей обидной, «служебная» – это от слова «служить», и что он сам служит, и в службе ничего плохого нет, это дело благородное. Вот только сейчас, уже после его смерти, особо важные дела в милиции Славгорода – это все преступления, которые совершаются против гибридных законов гибридами, и ловить виновников приходится тем же гибридам. Вот и выходит – праведная Рыкова живёт лишь для того, чтобы разрушать чьи-то судьбы. Такую службу не служат даже демоны в аду.

– Григория Константиновна? – из-за скрипучей деревянной двери появляется женская голова. На голове чепчик, на лице маска, видны только два ярко-янтарных глаза.

– Так точно. – Гриша поднимает голову и улыбается. Медсестра фыркает и её зрачки инстинктивно суживаются. Кошка почуяла характерный собачий запах. Благо, за маской не видны её искривлённые в отвращении губы. Такая реакция происходит всего секунду – она естественна и уже давно не обижает.

Тяжело признавать это, но Гриша, как и другие гибриды – всего лишь животное. И животным, как правило, управляют рефлексы, инстинкты, гормоны и прочее, прочее. Наверное, медсестра-баляя побольше Рыковой в курсе о том, что прикидываться людьми без чувств, химии и взаимной реакции на работе важнее прочего.

Когда Гриша следует за ней в кабинет, в нос ударяет крепкий мартовский шлейф из духов, кондиционера для белья и отдушки крема для рук. Она громко чихает, не успев зажать нос и рот рукой.

– Будьте здоровы, – громко приветствует врач и встаёт из-за своего крепкого дубового стола.

Крепкий он, потому что весь час ожидания Гриши в коридоре они здесь жарко трахались, а хруста дерева или скрипа ножек об пол чуткий собачий слух не уловил. И, всё же, запах феромонов и сигарет до конца так быстро не выветривается. Нельзя судить балий за мартовское безумие.

Рыкова поднимает голову, но на лицо доктора взглянуть не решается. Ей уже доставило особое удовольствие знакомство с медсестрой, поэтому синдром белого халата захватывает теперь полностью. Всё, о чём она думает – лишь бы поскорее отсюда убраться. Ответить на пару вопросов и удрать. Но врач настойчиво протягивает руку для знакомства, словно Гриша мужчина, и не просто мужчина, а какой-то важный чиновник. Нехотя, она всё же принимает жест уважения и крепко, несмотря на тошноту от сильных запахов, пожимает длинные пальцы (с надеждой, что руки вымыты).

– Жалобы есть?

– Никак нет.

Медсестра под маской тихо хихикает с солдафонского тона Рыковой. Она, стройная и в меру общительная красотка, вполне имеет право посмеиваться над несуразной, крепкой и выглядящей старше своих лет милиционершей. Гриша осознаёт себя в каком-то уничижительном положении и смущается ещё сильнее, только крепче стискивая ноги. Чтобы как-то отвлечься, она принимается разглядывать плакат за спиной врача о важности предупреждения суицидальных наклонностей. Визит к психотерапевту обязателен для Рыковой из-за того, через что ей приходится проходить. Как и сказал Карпов – она сама не своя.

– Табельное оружие сейчас носите?

– Никогда не носила, – берёт паузу, реагируя на удивление мужчины напротив. Впервые она обращает внимание на смоляные чёрные волосы, клювовидный нос и глубокие тёмные глаза. Вирия. Их сложно заметить по запаху, но яркая внешность не оставляет ни единого сомнения. Гриша не удивлена – в крыле для гибридов не стали бы работать люди. Здесь всякое случается. – Хортам иногда положены только шокеры и дубинки. Мне нет.

– Каменный век, – не стесняется Харитонов А.Г., как указано на его бейджике. Александр Геннадьевич? Алексей Георгиевич? Андрей Герасимович? Не так уж и важно: Гриша решила не задерживаться.

– Давайте к делу. Где расписаться?

– К какому? Вы торопитесь? – он изумляется и откидывается спиной на стул. Мозгоправы реагируют на каждое подозрительное слово. Гришу охватывает страх, что она застрянет здесь надолго.

– Альберт Германович, – подаёт голос медсестра, – тут перечёркнуто.

Гриша нервно смеётся не то с имени врача, такого типично-вороньего, что даже не удивительно; не то с пометки, которую сделала больница с её картой. Перечёркнуто – как вся последующая Гришина судьба.

Мальва Карпова осуждена по всей строгости, и суд этот прошёл показательно. Сама Гриша на нём не присутствовала – умственно, по крайней мере. Её тело уже около месяца тогда жило само по себе: она ела, спала, ходила на работу, платила по квитанциям свои задолженности, а потом повторяла по кругу каждое известное ей действие автоматически. Умирать безболезненно тяжело и скучно, но развлечения она себе не нашла.

Пете по-настоящему больно. Раньше Гриша хотела бы утешить его боль, лишь бы самой почувствовать себя лучше. Сейчас подходить к нему ей не хочется, и уж тем более не хочется встречаться с Мальвой взглядом. Пусть внимание Гриши обращено в слух, а глаза прикрыты, она знала, что ледяные голубые глаза пробуравливают её заклойтой вражеской ненавистью насквозь. У Мальвы есть причины ненавидеть Гришу, но эти причины не выше закона. Прокурорский вой на мгновение прекращается и все словно инстинктивно подаются вперёд, когда стена сотряслась медвежьим приказом.

Суды над гибридами проходят легко и быстро. Судья-аркуда занимает собой всё свободное место – её могучая рука крепко сжимает бумаги, оставляя на ней вмятины, а хрупкая трибуна под напором локтей сотрясается. Это означает, что сейчас будет вынесен приговор – так и случилось. Не нужно было доказывать уже доказанную вину, и не нужно было оправдывать ту, которая не может быть оправдана. Закон суров к славгородским женщинам. Мусульманские чётки, обмотанные как браслет на запястье, натирают Гришину руку. Сколько бы она не пыталась быть похожей на Анвара – смелой, глядящей своим врагам в лицо – у неё не получится. Она всего лишь сука, которой можно помыкать за поводок.

Мальва создана для материнства. Беременность её красит – бледность превращается в чистое сияние, а голос становится мелодичным, потому что она всегда разговаривает со своими малышами. Навы разрождаются быстро, словно мечут икру. Их рыбе нутро позволяет всего за пять месяцев вынашивать здоровых малышей, которые уже к году отлично держатся на воде, толком не умея ходить. Они всегда казались Грише далёкими и непостижимыми – высокие, стройные, обобщённые, – они, единственные, и гордятся своей природой, и стесняются её. Мальва, конечно, гордится. Она бы родила

целую пригородную деревню, если бы потребовалось. Так она сказала Грише однажды, давным-давно, трепетно сжимая в руках тест на беременность:

- Ну и пусть! Пусть выгонят из колледжа!
- И что ты делать будешь? Без работы? Без будущего?
- Не говори глупостей! Дети – моё будущее.
- Дети?

Её глаза искристо сверкнули.

- Я чувствую, что их двое, – Маля мечтательно гладит себя по едва налившемуся жизнью животу.
- Хорошо, что не трое. Тогда бы пришлось одного щипцами убрать.
- Не говори так!

Гриша не радовалась её безрассудствам – лучше бы её джинсы не сомкнулись на талии по какой-нибудь другой причине. Фригидная, бездетная тётка – даже молоденькая, Рыкова создавала впечатление старухи, которой суждено умереть в одиночестве. Но, такие как Гриша, не доживают до старости.

Удивительно, что они с Мальвой сдружились, будучи такими непохожими. Не то соседство по подъездам стало основной причиной, не то рвение драться наравне с мальчишками, не то одинаковые выходные платьишка, купленные матерями в одном магазине. Пусть планы на жизнь их разнились – да и в целом пути разошлись – Гриша была благодарна Мальве за каждый преподанный ею урок. Той всегда было легко совершать ошибки, нарушать правила и преступать законы; Карпова-старшая жила не от мира сего, и сосуществовать с его порядками просто-напросто не могла. А Гришу с рождения отмерили по линейке и всякое рвение получать оплеухи за проступки – отрезали. Вот так и дружили: одна безнаказанная, а вторая – правоверная.

Легко оказаться по разные стороны. Гриша не залетела, выучилась, добилась многого, долго тренировалась и совершенствовалась. А Мальва научилась размножаться – и всё. Жестоко было обвинять мать в том, что она защищает своё дитя, но закон писан чёрным по белому, а не прозрачным по серому. Сложности заставляют Гришу рычать. Почему всем не быть нормальными? Тогда всего этого не было бы – ни судьи, занимающей собой всё пространство в тесном зале, ни адвоката, скучающе мурлычущего себе под нос и не встающего даже толком на защиту, ни прокурора с лысой макушкой, зарывшегося в бумагах, путающегося в словах от неопытности – ни самой Гриши, которой пришлось успокаивать кричащего годовалого ребёнка, пока три здоровых борова из группы захвата прижимали хрупкую женщину к неотёсанному деревянному полу.

Петя думает, что ей легко это даётся – вот так запросто ломать человеческие судьбы. Повезёт, если малышу подыщут достойную семью, или, хотя бы, недостойную, но

семью. Если нет, то в институте Брюхоненко врачи помогут малышу комфортно уснуть. Повезло, что это не Гришино дело. В институте учат, что думать о других – это плохо. Чувств и эмоций к концу службы не должно оставаться. Вот и в Грише не осталось.

Когда Мальву приговаривают к пожизненному заключению в колонии-поселении, Грише не хочется злорадствовать. К тому времени, как Мальва забеременела третьим ребёнком, нарушая закон о двух детях в гибридных семьях, Гриша её уже не знала. Внешне – сходства были, но от прежней Мальвы тогда осталось лишь имя. Хибару, в которой Гриша нашла её с ребёнком, пущенная как ищейка на запах по следам, даже не нанесли ещё на карту. Эти алтайские поля на рассвете надолго Грише запомнились. Всё ей запомнится – включая Мальвино проклятье.

– Чтоб ты сдохла, мразь! И каждый твой выродок! Проклинаю, сука! Никого после себя не оставишь!

Разъярённая мать кричала, охваченная горем, и тогда мужики с неё посмеялись. Наша, мол, Рыкова, да чтоб детей, да никогда.

Следующим вечером задержка в два с небольшим месяца прекратилась. Это к лучшему. Больше о беременности она не думала.

Гриша вернулась в больницу – к Альберту Германовичу и его медсестре – хоть физически и не сдвинулась с места. Врачи пока не могут объяснить, почему у некоторых видов гибридов срок беременности короче, чем девять месяцев – но, наверное, плохо стараются искать решение.

– Что, простите? – Гриша отрешённо переспрашивает, когда понимает, что от неё уже минуту ждут ответа. – Не замужем, детей нет.

Какой бы там ни был вопрос – обычно этот ответ подходит.

– А с чем это связано? – заискивающе интересуется Харитонов, а острые плечи натягиваются под халатом. – Может, поговорим больше о вашей жизни?

В нос ударяет стойкий запах колючего одеколона. Явно хочет, чтобы все кругом чихали, и говорить – «Будьте здоровы!» – ведь он весь из себя врач. Посмотрите на него – он располагал двенадцатью годами жизни и отучился, ведь жить ему, если суждено, лет до ста двадцати. Роса седины слегка охватила Альбертовские виски. Ему пятьдесят, хоть и выглядит на тридцать. Грише же всего тридцать четыре – и её вид вынуждает медсестру сочувственно вздыхать, заполняя и переписывая карточку пациента.

– Это просто не моё. Дети, муж, дом. Я выбрала карьеру, – Гриша старается звучать дружелюбно, не раздражительно. Альберт ценит её старания, но скрыть истинные чувства не под силу даже ему – знатоку психологических уловок.

– Но, если бы подвернулся достойный мужчина? С большим домом, хорошим достатком?

От смеха Рыкова несчастно фыркает. Откуда у славгородских собак будки и миски с мясом? Хороша сказка, что тут скажешь.

– Рождение ребёнка облегчило бы вам жизнь, – продолжает настаивать он.

– Вы же мне всё равно его не заделаете. Зачем это всё?

Грише пёс нужен, а не ворон. Альберт Германович годам к семидесяти только очухается, что ему нужна жена и дети, и то – для галочки. Так уж вирии приучены с самого детства, что семья – это очередной институт, который необходимо закончить.

– Я на вашей стороне, – он поднимает руки в жесте доброго намерения, – и только на вашей. Знаю, что вам это может показаться давящим, смущающим и досаждающим обстоятельством, но...

– Это?

– Необходимость быть полезной обществу путём деторождения.

Пока всех кругом ограничивают, принуждая отсиживаться в тюрьме пожизненно за рождение лишнего ребёнка, её, хорта, вынуждают рожать, угрожая всеми возможными способами. Хочешь, не хочешь – а надо, потому что хорты – всего лишь расходный материал, пушечное мясо и охранники на границе. Пограничники служат лет по десять и вешаются. Откуда брать новых, если Гришка Рыкова не родит? Или любая другая откажется тоже, следуя её примеру?

И потому как пример заразителен – всех самых свободных принято решение устранять. Чтобы не вякали лишнего, не сеяли раздор и не затевали смуту. Хортов всегда стабильно много. Не получилось воспитать – тогда легче списать. Родят нового – и снова можно попробовать воспитать правильно.

Гришу воспитали правильно, даже слишком. Ей даже не обидно, что её спишут. Срок годности истёк. Через месяц ей тридцать пять.

– Подпишите мне справку, Альберт Германович. Скажите комиссии, что я в своём уме и здраво отношусь к ситуации. И что я осознаю, к чему меня приговаривает государство. Вернее, не так – я осознаю, чего заслужила сама.

В горле начинает першить и слова даются всё труднее. Гриша не думала, что ей придётся объяснять свою покорность. Она знает законы и правила, она хорошо училась

в школе и закончила академию с отличием. Выхода другого нет – всё сложилось именно так, как и предполагалось.

Взгляд врача тяжелеет сочувствием.

– Мне жаль, что вам придётся на это пойти. Славгород вас не забудет.

Гриша лишь улыбается в ответ. Ни тени сомнения, ни горя в её взгляде нет. Никто по ней скучать не будет – так ей кажется.

Длинные вороньи пальцы удерживают ручку, казалось, из последних сил. Удивительно, как долгожителей пугает смерть. Гриша знала, о чём сейчас думает Альберт. Вспоминает свои тридцать пять – первые серьёзные пациенты, первые прорывы в лечении, первая завершённая диссертация и первые орации в главном корпусе института видовой биологии имени Брюхоненко. Он думает о том, что жизнь его тогда только началась – уже уверенно растёт борода, удаётся жить вдали от родителей, с утра ещё не бьёт в голову похмелье. Вернувшись домой, он вернётся к особому славгородскому кодексу, выискивая несправедливость и причину, почему именно тридцать пять лет и ни годом больше. Он вспомнит изношенный, уставший Гришин взгляд и подумает: может, она действительно успела сделать всё, что хотела? И больше ей не о чём мечтать?

– Я пропишу вам снотворное – оно поможет держать режим сна в норме.

– Нет нужды, – Гриша пожимает плечами. – Я сплю, как убитая.

Альберт хотел бы нервно рассмеяться, но ком в горле мешает дышать. Он только недавно перевёлся из института сюда: там они ставили опыты, наблюдали, делали выводы и помогали кому-то психически выздоравливать – и никогда лицом к лицу не сталкивались с такими, как Гриша.

С теми, у кого в бланке «Эвтаназия» – и рядом галочка.

Часть вторая.

Гриша родилась в Славгороде. Все гибриды родились в Славгороде – другого им не дано. Правительство держит в секрете само их существование, и давно уже позабыло, какую пользу можно было отсюда извлекать. Предки нынешних жителей города сформировали определенную экосистему друг с другом и передали её своим детям, а те – своим. Когда же дело дошло до Гриши, она твердо решила, что не будет обрекать ещё кого-нибудь на существование в этом городе. Хотя сам Славгород она любила.

Грише сложно описать все прелести своей малой родины, но их не так уж и много. Город населён густо, и потому так тщательно контролируется прирост населения. Там, где убудет – обязательно прибудет, и наоборот. Пускают сюда не всякого, и, если по-честному, совсем никого не выпускают. Конечно, всякое правило можно нарушить – процветает контрабанда, нелегальный вывоз, так или иначе прорывается граница. Стены автобусных остановок расклеены и расписаны РЁВом – революционным молодёжным движением. Им свойственны громкие лозунги: Свободу гибридам! Правду миру! Хватит сидеть в клетке! – их Гриша не понимает. Но по-милицейски она благодарна всем преступникам города – работа у неё не кончается.

До того, как тут поставили остановку – до конца улицы было только поле. Славгородская степь и до сих пор беспощадна к любому беглецу. Даже если удастся перепрыгнуть через забор, обвести вокруг пальца пограничников, подкупить мясом охранных собак – далеко не убежишь. Барнаул в часе езды с большой скоростью, а других городов рядом и нет. Некоторые части поля заминированы ещё со времён Великой отечественной. Куда ни глянь – выжженная солнцем трава и бескрайнее небо. Грише никогда не хотелось отсюда бежать. Она всегда чувствовала себя на своём месте.

В Славгороде каждому полагалось своё место, потому гордиться тут нечем. Озерцо Топь приютило нав – они расстроились домиками по берегу и могли совмещать свою обычную жизнь с особенной, рыбьей и водной. В историческом центре города, в добротных построенных домах жили вирии, аркуды и керасты – те, кто силой, умом и хитростью смогли отвоевать у людей часть их комфортной жизни. Там, где вечером лучше не ходить в одиночку – на серой окраине в панельках, разбитые на общежития, жили они – такие, как Гриша, – отщепленные от общества, но притом служащие только ему, балии и хорты. Иногда они перемешивались: в трущобах встречались аркуды, а в хороших квартирах обживались балии. Всякому правилу были исключения, и всякий закон переступали нужной шириной шага.

Люди были везде, и всякие – богатые и бедные, добрые и злые. Их, казалось, в городе живёт меньше, чем гибридов – но, скорее, они просто невзрачнее. Особой статистикой Гриша не владеет, но уверена, что Славгород – это город гибридов и людей, а не людей и гибридов. Их тут сотворили, их тут собрали вместе и их тут заперли. Остальные,

невиновные, но попавшие под ту же гребенку – следствие истории. Надзиратели тюрьмы тоже территориально в тюрьме, но притом они не наказаны.

РЁВ. Никто, кроме них, раньше не противоречил режиму. Гриша знала некоторых из них, но не в лицо – они скрывают себя масками, банданами, шапками и шарфами. Им, в первую очередь, нужно прятать свой истинный вид – керасты не покажут змеиных глаз с вертикальными мембранами, которые заметны при моргании; навы не оголят шею и руки, если на них чешуя; балии, аркуды и хорты не покажут запаха – в этом им помогут ярко-противные арабские масла, привезённые тайком. Каждый житель Славгорода знал, что РЁВ – преступная организация, но ловить их не стремились. Правительство считает их безобидными вандалами, а плакаты с громкими лозунгами поднимаются на смех.

Гриша сама смеётся с алых букв «Выбери жизнь». Это про аборты? Про рак? Антисуицидальная реклама? Или у гибридов – не такая жизнь, какая следует быть? Гриша-то не знает, как надо жить. Ей выдали инструкцию, и она послушно следует правилам. Отступаться от них страшно, один шаг не в ту сторону – и собьют.

Она закуривает, прикрывая глаза, и поворачивается к дороге, слыша, что подъезжает нужный автобус. У него конечные станции «Кладбище» и «Отдел милиции» – то, что нужно.

– Эй! – В плечо резко ударяется миниатюрная фигура, даже относительно Гришиного невысокого роста похожая на неумного подростка. – Смотри, куда прёшь!

Голос высокий, волосы обрезаются по уши и спрятаны под шапку, черты лица не разобрать. В первую секунду после удара она гневается – но сразу смолкает, стоит пробежавшей мимо девушке повернуться к своему препятствию спиной. На старой кожаной куртке сзади выскоблены ключом три буквы, сверху написанные красным. РЁВ. Она одна из них.

Прежде чем Гриша инстинктивно порывается в погоню, революционерка изящно перемахивает через высокий забор. Делает это так, словно никаких физических сил ей это не стоит – признак хорошей координации и ловкости. Гриша завистливо рычит: даже если бы она за ней бросилась, этот забор разделит бы их раз и навсегда.

Девушка хорошо скрыла все свои особенности. Но кое-что Гриша заметила – наполовину светлую бровь и клочок волос такого же цвета, выбившийся, как назло, из-под надёжной маскировки. Пятно на шерсти.

Гриша скалится, обнажая зубы. Балия, значит. В игру «угадай вид» она не умеет проигрывать.

Капитан уверен: волноваться не о чем, и РЁВ, по сути своей, безопасен. Они даже ничего не сожгли – и для него, бурого медведя, это главный аргумент, как будто иных способов навредить населению нет.

В одном кабинете с ним душно и тесно, хотя спор их длится всего пять-семь минут. Работать с мужчинами было не в тягость лишь в юности. Тогда все коллеги воспринимались Гришей как кто-то, кто имел право ей помыкать – потому что старше, умнее, опытнее. Хорты взрослели быстрее – биологически, и потому совершеннолетними признавались уже в пятнадцать – но тогда, приходя на работу, были обречены стать рабами. И сама Гриша этой рабыней была. Принеси, подай, уйди, не мешай.

– При всём уважении, – Гриша опять идёт окольными путями. Ей нужен союзник – умный, надёжный, влиятельный и настырный. Капитан подходил, но она не учла его каменное упрямство. – Я думаю, вы ошибаетесь. РЁВ действует плавно и добивается своих целей так или иначе. В цифрах – более пятидесяти процентов славгородской молодёжи подвергнуты идеей равенства и братства.

– А равенство и братство – это плохо?

– Ну вот мы же не равны. Если бы были, то фиг бы вы мной помыкали, как кутёнком.

Взгляд медово-карих глаз делается удивлённым. Стены тут же сотрясает громогласный смех, похожих на рокот в бочке.

– Гри-шеч-ка, – фамильярничает он. – Откуда такое рвение к глухарям?

Долгая аркудская жизнь оказывает ему услугу: несмотря на то, что сам он в расцвете сил и стареет неспешно, перебиваясь на спячки каждую зиму, глаза его помнят Гришу молодой, зелёной и неопытной. Даже сейчас, на закате своей жизни, Гриша не сможет доказать свою квалифицированность и опытность.

– Да так, приснился дурной вещей сон, – она натягивает улыбку. Терять ей нечего, будет действовать из-под полы. – Я пойду тогда. Работы много.

– Правильно-правильно, – одобрительно басят в ответ. – Каждый день происходит что-то важнее юношеского максимализма.

Гриша старается как можно быстрее ретироваться из кабинета, но, прежде чем она закрыла дверь, в спину раздаётся:

– Кофе сделаешь, дорогуша?

Живот скручивает от тошноты.

– Нет.

Простое и твёрдое слово, но даётся очень нелегко. Рыкова не дожидается реакции капитана, потому что знает её, привычную, наперёд.

Менять что-то – гнушно и совестно, словно вековой устой и мужское влияние помогал всё это время Грише дышать. Вот она, неблагодарная, отвергает шанс прислуживать тому, кто всегда её прислугой пользовался – и чем это может для неё обернуться? Увольнением со службы? Насилием? И всё же Гриша непреклонна: она милиционерка, а не кофеварка. От собственной смелости воспрянули плечи. Гриша способна на это! Отказать, переиначить, отвергнуть, прогнать и обогнать в чем-то мужчин – она может!

Озарение хлопает дверью за её расправленной, выпрямленной спиной. На кончиках пальцев покалывает и щекочет в носу – это чуйка. Мистически точная интуиция Гришу никогда не подводила. Так она дослужилась до места, на котором стоит сейчас; так она вытянула Анвара, своего наставника, со дна обычной бумажной волокиты; это сделала она – память будто бы внезапно вернулась к ней. Она сама рвалась с поводка, и сама себя дрессировала, и ничья помощь ей не нужна.

Может, эта уверенность лжива и мимолётна, и может Гриша – как оказалось – прожжённая самовлюбленная эгоистка – но именно сейчас, как никогда раньше, она нуждалась в осознании собственной силы.

Перед глазами тут же – образ целеустремленной балии, которая торопится по своим важным делам; в её голове, по предположениям Гриши, мысли только яркие, вспыхивающие, особенные. Это требует смелости – говорить то, что никто не хочет слышать. Были ли в её сумке очередные плакаты, чтобы развесить их? Что на них написано? От кого она бежала, если не было хвоста? Или же куда она торопилась?

Запаха её почти не осталось. Гриша не смогла ничего уловить, даже по следу; наверное, РЁВ и это придумал как-то обходить. Гриша может игнорировать свои вопросы неделю, две, а потом всё равно сорвётся на поиски. Единственное, что она понимала прекрасно – этих недель у неё почти что и нет. Терпеть зудящее желание некогда. Хочешь пуститься в погоню – вперёд. Пятки прожгло болью, будто она целую вечность стоит на гвоздях.

Желания спутались. Гриша успокоила себя: если она успеет разрушить РЁВ изнутри, то её имя ещё долго будет вышито на знамёнах. Нитки, сшивающие режим по кусочкам, уже не скрыть. Ей ведь не хочется уходить безызыскной – так вон же он, шанс раскрыть крупнейшую преступную организацию в городе. Хватай и беги.

Гриша, очевидно, переоценила и РЁВ, и себя. Она настолько выше головы ещё не прыгала. Папки, которые ей вручают – не больше двух листов толщиной и покрытые

пылью. Никто не вкладывал сюда материалы года с пятнадцатого. Ни улики, ни зацепки, ни действующего следователя.

– Кому они нахер сдались, – раздражённо пробубнила бабка-архивариус, не согласная соприкасаться с Гришей без платочка в руках.

Ей не хотелось рыться в документах, чтобы услужить собаке – это и были её собственные слова, но сказанные тихо. Они – люди – думают, что если понизить громкость у неприязни, то она перестаёт быть явной. Но всё, от взгляда до мельчайшего тремора, выдаёт их с потрохами. Особенно таких, как эта Лидия Васильевна – не слишком-то много народу стоит ниже её статусом, уборщики служебных помещений да такие как Гриша, и потому она так явно отрывается на них. Подмети здесь, нет, вот тут, и хорошенько протри полы – и как хорошо не выполняй свою работу, всё равно она кому-нибудь расскажет, что у тебя руки далеко не из плеч.

На ненависть Гриша уже не реагирует. К смирению приучают быстро, едва учишься ходить и говорить. Не осталось уже таких обидных слов, которые она не слышала. О положении хортов в обществе мало треплются. В своё время их вовремя задавили, пугаясь прыти и силы, и вынудили всю свою жизнь посвящать службе. Их много – так много, что не жалко, если не станет одного или двух. Хорты пользуются плохой репутацией, несмотря на все старания: пьют, воруют, подсаживаются на наркотики, слепнут ещё в молодости от драк и вредного шоколада, а потом убивают, кого вздумается, если доведены до ручки. Гриша не лучший образец, чтобы рассказывать хортовские истории. Она выросла в странной, но относительно благополучной семье. Правда, в таком районе, что ни одного друга-хорта уже в живых не осталось. Один в тюрьме, второго убили, третий не вылез из границы, пока не пустил пулю себе в лоб из оружия сослуживца. Или, может, сослуживец его застрелил. Даже если и так, никто бы не стал расследовать.

Для Лидии Васильевны они все – вот такие, как в худших рассказах. «Я вашего брата повидала, я вашу породу знаю, я ваш вид видывала» – так она ответит на любое оправдание честного гражданина. Старая советская закалка даёт о себе знать.

Здесь, в Славгороде, Советский Союз жив до сих пор. Ни о каких внешних политических распрях они и не знают. Всё давно пущено на самотёк – названия секретариатов прежние, вместо банков Сберкасса, депутаты съезжаются на созывы. В пользовании советские рубли, техника старая, иногда, в богатых семьях, благодаря контрабанде – можно встретить и плазму, и стиральную машину немецкого производства. Здесь не было перестройки – на это требуются силы и время, а все подышают на работе от темна до темна.

Застойная вода превращается в болото. Наверное, поэтому Лидия Васильевна так похожа на жабу. Удивительно, как не додумались сделать ещё один вид гибридов из таких недовольных старух.

Гриша улыбается ей натянуто, хотя про себя желает скорейшей смерти. В Славгороде жизни всё равно нет. Гриша сама не помнит, с чего всё началось.

Это случилось до её рождения – век хортов короток, они природой научены быстро вставать на ноги, работать, размножаться и умирать. Прабабки и прадеды Гриши были кем-то сотворены, но сама она никогда не задавалась этим вопросом. Кем-кем? Богом, природой, фашистами – всеми сразу и одновременно. Правильного ответа всё равно нет. Не издано книжек, не снято документалок, не ходит молва. Есть они и есть – страна будет только рада, если они все вымрут, но они всё держатся – с мизерными зарплатами и без хорошего будущего. Живут, совсем рядом с остальными людьми, в соседнем городе, в одном мире – и никто о них никогда не узнает. Грише от этого даже спокойно: меняться ей боязно.

– Вот тут пиши номер удостоверения, – шепеляво указывает она ей костлявым, шершавым пальцем, – а тут свою фамилию и имя.

Почерк у Гриши идеальный, каллиграфический – нужно было чем-то выделяться. Хортам дозволено окончить только восемь классов, и нужно было брать от этого все возможные знания, ведь книги так запросто им не достать. Каждый проходит распределение и получает свою категорию. Их всего три – служебные, чтобы служить; прислуживые, чтобы прислуживать и запасные – те, кто совсем безнадёжен для службы, и за которыми требуется особый контроль. Конкуренция бешенная – всем нужна хорошая работа. Хорты быстро погибают от бедности – остальные виды, конечно, тоже, но их почти не метят пригодными или непригодными. В первую очередь, хорты имеют выносливость, предрасположенность и силу для охраны границы. Больше ничего от них не нужно.

Гриша потому в своё время была совершенной отличницей. Везде первая: быстрее, выше, сильнее. Почти не драчливая, хоть и многое приходилось выгрызать зубами. Мама поднимала её одна, и даже говорила, мол – я так тебя хотела, так тебя ждала; а Гриша про себя всё винила её – могла бы хоть мальчиком меня родить. Кто знает, – отвечала мама, – твой папа не справился ни с чем. Об отце Гриша слушать не хотела и разговор затихал. Она его не знала и знать не хотела.

Славгород для Гриши стал домом, в который не хотелось возвращаться после работы.

Входная дверь общежития обита искусственной кожей, прикреплена на канцелярские кнопки – сами жильцы старались. Стены обшарпанные, пахнет кислой мочой и где-то в углу спит отравившийся водкой сосед. Длинный коридор и, кажется, бесконечное количество дверей по обе стороны стен. Они пестрые – относительно новые, старые, железные, деревянные, проломленные ногами, окрашенные в не-коричневый. Жуткое, жалкое зрелище, почти ненавистное каждому, кто возвращается в этот коридор. Рыкова уже не поднимает головы – ни здесь, ни перед зеркалом в тесной прихожей перед

общей кухней. Она идёт в самый конец, словно надеется найти там выход или белый спасительный свет. Но нет: хрустит старый замок, с трудом поддается ручка и ключ нужно вытаскивать рывком. Будка выпускает хозяйку.

Грише полагается улучшенное и недавно построенное милицейское общежитие – но она попросила оставить ей комнату, которая раньше полагалась её маме. С детства здесь ничего не изменилось, ремонт ей не давался. Перебираешь одно – ломается другое. Оставлять эту комнату всё равно некому, и поэтому Гриша давно отчаялась.

Десять квадратных метров. Повидавший многое двухспальный диван-кровать, вечно разобранный, потому что не хватает сил. Завешанное трюмо с зеркалом, чуть покосившийся шкаф, в котором пылится накрахмаленный пылью парадный китель. Старенький телевизор, над которым полка с единичными доступными хортам книгами и папкой с документами. Обои желто-серого цвета с уродливым узором и красный настенный ковер, который можно рассматривать бессонными ночами.

Гриша включает телевизор не глядя, лишь бы на фоне был шум. Им показывают пару разрешенных каналов – с сериалами, новостями Алтайского края и музыкой, из которых ничего толком не понятно. Информационный вакуум создаётся намеренно, и виртуальная связь для славгородчан – контрабанда, которую передают вместе с простенькими сенсорными телефонами через забор. Иная свобода распространения информации, чем контролируемое кабельное телевидение и газеты на дешевой бумаге, запрещена. Кому хуже-то? Гриша только рада, что её от лишнего шума оградили. Она переодевается долго, слушая глупые признания в любви с экрана и под окном, и сама ухмыляется. Любовь – вот что здесь держит. Всех, но не её саму – у неё в сердце пусто.

И в животе, кстати, тоже.

На общей кухне – никого. Гриша чуть ли не крадётся к нужному холодильнику, словно там нет еды, которую покупала она. Уже пригоревшая кастрюля, поставленная на огонь, распространила характерный запах по всему коридору. Может эта ситуация и осталась бы незамеченной, но, когда живёшь в доме полном чутких носов – надеяться на одиночество бесполезно. Неподалеку тихонько отворилась дверь. Пара ловких шагов – и на кухне появляется Серёжа.

Иногда он зовёт себя Аниса, с казахского «товарищ» – в те дни, когда переодевается в платье на потеху публике единственного в городе ресторана «Интурист». Гриша раздражалась его инфантильностью, но принимала единственного адекватного соседа как друга. Серёжа – мужчина, с которым нельзя переспать; к нему ходит добрая половина начальствующего состава «Красного металлиста» и любой другой, кто по связям прознал, где в Славгороде отыскать настоящую восточную сказку. Он, подобно истинной змее, обвивается вокруг шеи, сбрасывает шкурку, поблескивает чешуей в свете луны. Рахимов был одним из немногих керастов, которые не привыкли прятаться в тени. Его, в некоторых местах прозрачный, чёрный шёлковый халат осторожно

приоткрывал всё, что могло заинтересовать покупателя. Продавал ли он себя по своей воле? Нет, но никогда не позволит себе этого стесняться. Он предпочитает шёлк, и носить свои длинные каштановые волосы распущенными. Сейчас, в редком случае, он собраны в пучок заколками-палочками, на китайский манер. Гриша сделала вид, что озарение кухни красотой её не задело.

Внимательные узкие зелено-карие глаза непонимающе моргают вертикальной мембраной. Рыкова всё так же молча отскребаёт от кастрюли перловку, смешанную с тушёнкой из говядины (хочется верить), едва тёплую кашу пробует с ложки. Текстура липкая, вязкая, но она покорно жуёт – и похуже ела.

– Именно из-за плохого питания твоя фигура поплыла, – фыркает Серёжа, не сдерживая отвращения к Гришиному ужину.

– Нормальная еда. Мясо как мясо.

Это собачья еда, конечно. Но Грише нравится – готовить она не мастерица, а питаться в придорожных кафешках не хватит зарплаты. Хлеб с майонезом – отличный завтрак, кусок сала с позавчерашними макаронами – хороший ужин. Серёжа прав, и Гриша осознанно, старательно портит свою красоту.

Она не расчесывает вьющиеся пушистые русые волосы, длины которых едва хватает, чтобы завязывать хвост чем-попало. Стрижёт быстрорастущие когти под корень (или обгрызает до крови безжалостно). Позволяет бровям лежать в разные стороны, веснушки на лице скребёт хозяйственным мылом. Единственное, что ей уже не подвластно – цепляющая прохожих гетерохромия. Правый глаз наполовину голубой, левый полностью карий.

– Как твои дела? – сладко интересуется Серёжа, бесшумно проползая между Гришей и плитой. – Я по тебе соскучился.

Отвязаться от него не получится, потому что он вездесущий. Серёжа танцевал восточные танцы со всеми эшелонами власти, лишь бы добиться своего. Скромности ему не занимать.

– Нормально, – сухо отвечает Гриша. – Твои как?

– Тоже славно, – Серёжа радостно подается ближе и присаживается прямо на стол, несмотря на Гришину трапезу. – Слышала, что «Коммунист» опять открылся?

– Мне-то какое дело до незаконных подпольных ночных клубов для наркоманов и проституток?

– Ауч, не рычи! Я думал, ты, наоборот, заинтересованное лицо. Его же открыл РЁВ. Преступники-радикалы, нет?

Ложка с грохотом ударяет по тарелке. Гриша рассеянно покачивает головой и тянется за своим кнопочным телефоном, словно он даст ей какую-то подсказку. Она понимает –

между теми, кто подкладывается под начальников той или иной масти, ходят определенные сплетни. Капитан сходил к проститутке, проболтался, и та сразу же информацию передала. Гришу осеняет – Серёжа может быть с РЁВом заодно.

Уши инстинктивно дёргаются от заветного слова, но виду она не подаёт. Серёжа сам понимает и сразу применяет к соседке свои непрощенные, но полезные таланты: обвивает плечи руками, подойдя к ней сзади, и прикладывает щёку к макушке. Дождивается, пока Гриша перестанет утробно рычать и шепчет:

– Моя девочка, я знаю, как тебе тяжело. Ты выведешь всех на чистую воду. Пойдём со мной.

Перед Серёжей устоять не получится даже с Гришиной каменной выправкой. Проходит всего несколько мгновений, прежде чем она тает от массажа плеч. Волосы его теперь распущены и нежно щекочут кожу, когда он наклоняется. Нос заполняет запах приятных арабских масел. Гриша даже не задаётся вопросом – откуда в нашей-то глуши? – только вдыхает поглубже, словно дым, и на секунду задерживает воздух в лёгких, чтобы окончательно опустошить голову.

Может, это были не масла, может, они вовсе не друзья; но Серёжа спасает её от ночи в рыданиях. Место плохого занимает хорошее: они долго хихикают, плетут друг другу косы, держатся за руки. Гриша не обнажает ему тело – они ведь несовместимы – но обнажает душу, и в какой-то момент выворачивает то, что никому не собиралась говорить. Они вместе посчитали – остался месяц, но месяц долгий, такой, как бывает зимой – пусть не самый радостный, зато морозный, насыщенный и, как кажется, нескончаемый.

– Перед смертью ведь не надышишься, – пугливо выпаливает Гриша, давно решившая, что менять что-то поздно и она своё уже отжила.

– Ерунда, – улыбается ей Серёжа, сминая фольгу изящными пальцами. От каждого его движения тарахтят кольца и браслеты.

– Хотела бы я быть похожей на тебя хоть немножечко, – мечтает Гриша, – ты это каждый день, наверное, слышишь.

Он вдруг вспыхивает, как спичка, и удивительно бледные щеки рдеют, словно никто и никогда не отмечал его красоту. Может, ему приятно, потому что Гриша не богата на комплименты? Ей пришлось стать бесчувственной, чтобы не чувствовать боль и унижение, но вместе с тем она отбросила и приятное – доброту, дружбу, любовь.

– Эти ребята... РЁВ... за что они борются?

– За человечность, наверное, – Серёжа поднимает плечи, опускает. – Чтобы жизнь гибридов перестала быть похожа на кошмар. Хотят равноправия, единства, воли.

– Ты поддерживаешь их?

Гриша знала, что ей он врать не будет.

– Отчасти. Но не представляю, где мне искать место в их идеальной реальности. Моя жизнь не сахар, и слаще она точно не станет. Пойти работать на тот же завод, что и другие, чтобы меня насиловали бесплатно? Вроде бы равенство, но не то, какое хотелось.

Он сказал – за человечность. Что это такое, Гриша не знает. Но хотела бы узнать.

– Отведёшь меня к ним, туда?

Серёжа загадочно улыбается.

– Думал, ты уже не попросишь.

Часть третья.

В клуб их не пускают. Гриша пожелала остаться собой – хмурой на вид и грубой на ощупь. От всех предложенных платьев она отказалась – во-первых, стеснялась их надевать, во-вторых – боялась себя потерять. Ничто не мешает Грише магическим образом стать какой-то другой – потому что Серёжина косметичка была наготове – но в обитель революционеров ей хотелось войти собой. Своей, а не чужой кожей прочувствовать всё, что они хотят донести. «Коммунист» – это храм равенства и свободы, но неверующая Гриша суётся с непокрытой головой и красным удостоверением в кармане.

– Лапуля, я сейчас вернусь. Договорюсь с тем красавчиком и мигом всё улажу.

Серёжа кивает на хорта с дважды переломанным носом, и Гриша переводит взгляд на охрану.

– Учужал, что ты не из простых, – Серёжа хихикает, будто это игра.

– Я им всем в матери гожусь, вот и перепугались.

РЁВ – или та часть, которая дышала, курила или блевала в окрестностях перед входом в подвал – создавала впечатление крайне молодой организации. Клуб по интересам, секция, кружок. Рыкова опять вздумала соскочить – скорее всего, серьёзность дела она сама же и преувеличила, чтобы придать существованию хоть какой-то смысл.

Рука сама собой потянулась к сигаретам в оставленной на хранение сумочке. Она бросила где-то полгода назад – смертникам запрещены вредные привычки, чтобы здоровые органы можно было благополучно изъять. Ей уже показывали фотографии больных раком детей, страдающих от смертельных болезней стариков, несчастных многодетных матерей – город маленький, автономный, и всем в процессе разложения необходимо делиться на полезные активы. Удивительно, как слаженно работает система – все всему покорны. Или только одна Гриша?

Взгляд невольно блуждает между телами и лицами. Тонкая коричневая сигарета со вкусом вишни обжигает пальцы, крепко её сжавшие, когда к главному входу подъезжает чёрная машина. Таких машин Гриша не видывала за пределами государственных парковок – иностранные марки, а значит и владеют ими очень влиятельные люди.

Из машины выходят трое – двое мужчин и одна девушка. Они суетливы, но темнота мешает Грише разглядеть их внимательнее. Идёт явный спор, в котором девушка проигрывает. Ей всучивают небольшой ящик, которому она противится. Выглядит так, словно мужчины оказывают на спутницу влияние – негативное, и Гриша инстинктивно шагает вперёд. Воображаемый ошейник впивается в шею – не её это дело.

Дворняга игриво лижет Гришины пальцы. Перед собаками она устоять не может – сразу присаживается на корточки, принимая всю возможную любовь от пушистой морды. Пузо упитанное, шерсть пыльная и глаза почти что человеческие – неужели кто-то когда-то воспользовался этой самой верностью, чтобы создать чудовищ?

– Жучара, отстань от человека! – Вслед за собакой подскакивает потерявший её из виду хозяин лет десяти на вид. – Тётъ, сигаретку стрельнёте?

– Малой, бросал бы ты это. Не то будешь выглядеть как я.

– Так вам вон сколько!..

– Ну сколько? – Гриша смеётся и назло пацану закуривает снова. Огонь мелькает в её разноцветных глазах. – Двадцать всего.

И протягивает ему сигарету – сама же первую попробовала в восемь.

– Ты все скуришь решила? – Недовольный Серёжа выныривает из стайки светловолосых, бледных нав. Их серебристые волосы мерцают в темноте.

– Изымаю улику. Слышал, что бывает за контрабанду?

Она ловко прячет пачку в задний карман джинсов. Ей никогда бы не удалось иначе достать таких сигарет, Серёжа прекрасно это знал. Словно вспомнив про скорую Гришину судьбу, он сочувственно вздыхает.

– Ну и что бывает? На кол сажают или сжигают на костре?

– Милиция тщательно ищет, по каким артериям запрещёнка протекает в город. Пока не казнят, но времена грядут суровые, – и Гриша звучит почти гордо. Она верит, что её коллеги по-прежнему важны и эффективны – не зря же почти весь хортовский народ хранит в городе порядок.

– Если, конечно, этим не сама милиция и занята.

ЭТИМ. Власти не хватило бы ума придумать, как прокормить свой город (их ведь не учили этому в институте Брюхоненко). Ей снисходительно улыбаются, будто говорят – служивая, какое найдут? Какое поймают? Всем же выгодно, всем же удобно. Самой тошно, что такая дурная. Она мотает головой, отказываясь воспринимать правду напрямую. Лучше как-нибудь завуалированно, как обычно докладывают гибридам: не уточняя, используя размытые формулировки и только лишь намекая.

– Короче, тебе нужно расслабиться. Не будь ментом, будь собой.

Гриша не уверена, что помнит себя настоящую. Она расстегивает куртку и распускает волосы – это всё. То ли от никотина, то ли от разочарованного взгляда, щёки её розовеют. Никто не назвал бы Гришу красивой – вот и Серёжа молчит. Беда была лишь в том, что Гриша тайком нуждалась в комплименте. Она, как засохший цветок, который долго-долго не поливали, всё ждала и ждала шанса расцвести. Хоть бы капельку воды и

в почву – и радовала бы ещё долго, стоя на подоконнике в любое время года. Вот, почему она задерживалась с Петей, хоть и едва терпела мужское тело, нутро и характер. Он разговаривал с ней, выпытывал всякое и веселил присказками. Звук отнюдь не немомго голоса, заполнявший их когда-то почти общую спальню, согревал сильнее, чем холодные рыбки руки.

Гриша утрирует – никто из них не похож на животных так уж явно. Задачей их создателей стояло наделение того или иного человека особыми сильными чертами – чётким нюхом собак, сильными руками медведей, изяществом кошек, дыханием под водой рыб, извилистостью и гибкостью змей, зоркостью вороньего глаза – а всё остальное, например, хортговскую преданность, балийскую распущенной или исключительность вирийского ума, они, как оказалось, выдумали в ходе развития. Такое уж свойство человеческое: к низменному приплетать возвышенное. Стандарты, которым Гриша старалась соответствовать, по сути, ничего не значили. И всё же...

– Пойдём.

Она умело скрывает волнение в голосе и шагает к низкому входу в полуподвальное помещение. В толпе приходится намеренно отстать от Серёжи, который извилисто проскальзывает среди гибридов всех мастей и размеров.

Для протокола: место происшествия оказывается вовсе не таким, как Гриша себе успеваает нафантазировать. Она ожидает увидеть притон с влажными от осевшего пота стенами, затянутый дымом. По углам должны происходить грязные соития, всякие облегчения и прочие интимные события. Драки, песни, танцы и все возможные животные глупости. Но тогда бы это была привычная общага, в которой она влачит существование по жизни. А тут, всё же, неизвестный до этого городу, клуб.

Communa – от французского «социум» – гласит надпись на стене. Посетители клуба сбиваются в группки по интересам, делят большие тарелки со съестными закусками и потягивают из банок что-то санкционное, неправильное для обычного продуктового склада Славгорода. Кто-то приглушённо слушает музыку, кто-то оживлённо спорит. На первый взгляд узкое вытянутое помещение заполнено людьми, но ни одного человека здесь нет.

Её пропустили – не потому, что она не похожа на мента – а потому, что она хорт. Здесь она среди своих.

– Эй, красавица! – парень за баром опирается локтями на гладко-лакированную стойку. Кажется, это умасленная дверь от шкафа-купе, перевернутая задней стороной. – Хочешь чего-нибудь заказать?

Его усы подвёрнуты на кончиках, и уложенные назад волосы кажутся на вид такими мягкими, что хочется запустить в них пальцы. Скванная пристальным взглядом

харизматичного красавца, Гриша старается сообразить, что могла бы здесь заказать. За спиной балии исписанные мелом таблички с наименованиями, знакомыми лишь смутно. Гриша открывает рот и тут же закрывает. Ну и кто теперь нем как рыба? – пошутила бы Мальва.

Ей бы здесь понравилось. Знала ли она об этой общине? Может, участвовала в создании? Вряд ли, под конец своей второй беременности она ударилась в спасительную секту, обещавшую свободу ей и её детям.

– Дай угадаю! Колу?

– Отцепись от женщины, Шурка, – сердитое клокотание доносится из-за спины. Так они, балии, умирляли друг друга – словно щёлкали маленькими клычками и языком, доказывая свою правоту.

– Ладно, налью кваса в кружку 50 лет КПСС.

Гриша закатывает глаза. Ладно, она старая. Это не так обидно, как могло бы быть.

– Хватит выделываться, тебе самому скоро пятьдесят.

– Мне сорок один! – он задыхается от возмущения.

Гриша не дала бы этому Шуре больше тридцати. Это удивительно даже для балии – долгожительством отличаются только аркуды и вирии. У балий молодость пусть и не столь быстротечна, как у хортов, но всё же рано или поздно увядает. Поэтому-то они живут на полную: пьют, гуляют, влюбляются. И так по кругу – и душой, и телом. Некоторые всё же выглядят неугасающими и юными даже в сорок.

Наконец, Гриша оборачивается на свою заступницу. В полумраке битых неоновых ламп её лицо не кажется знакомым.

– А! Это ты! – красивое лицо в ту же секунду искажается удивлением. Гриша вдыхает окружающий её воздух поглубже. Чихнуть себе не позволяет, но чувство такое, словно насыпали перца в нос. – Извини, мы тут от ментов прячемся, поэтому собакам тяжко.

– Откуда ты...

– Знаю, что ты хорт? Думаешь, не видно?

Гриша хотела спросить «откуда ты взялась на мою голову?» – но промолчала. Светлые пятна в девичьих волосах, бровях, ресницах – как бельмо на глазу. Рыкова пытается проморгаться, но кошка никуда не исчезает.

– Отцепись от женщины, Илля, – передразнивает подругу Шура и протягивает Грише колу с маленькой шоколадкой в придачу. – За счёт заведения.

– То есть за мой? – сурово переспрашивает пятнистая девушка.

– За твой, Илля, за твой.

Гриша никак не может сообразить, как её зовут – сказанное мягким голосом «Илля» звучит скорее, как присказка.

– Ульяна?

– Ильяна, – она делает акцент на «И» в ответ, совершенно недовольная, что её имя рассекретили.

Вообразив вдруг себя интересной и соблазнительной, Гриша смело отхлёбывает колу и упирает ладонь в бок, ведя бедром. Ильяна опускает взгляд на этот финт и совсем не смущается. Только улыбается.

– Мы тебя ждали. Пойдём в мой офис.

Офис – это о чём? Гриша молча кивает и шагает вперёд, даже не удосужившись спросить причину интереса. Ильяна не выдерживает, и у самой двери с табличкой «Служебное помещение» оборачивается, сравнивая с Гришей лица. Оказывается, не так уж она и миниатюрна. Рыкова хмыкает, пряча шоколадку в задний карман джинсов – оставит её на потом, когда по-настоящему захочет приблизить свою смерть.

Революционеры обычно не ждут в своих логовах тех, кто способен испортить их планы. Грише совершенно не близко ощущение фальшивой свободы, которое в «Коммунисте» пытаются искусственно создать. Город выстоит, что бы РЁВ не подготовил. Ильяна не создаёт впечатление опасной лидерши организованной группировки, и по привычке Гриша морально готовится к встрече с очередным мужчиной за дверью того самого «офиса». Разговор будет тяжёлым – «мы тебя ждали» – и спина от подвальной тесноты у Гриши потеет. Хорошо было бы быть покрытой шерстью и не чувствовать ни липкой тревоги, ни тошноты от беспомощности.

Прошлая Гриша ни за что не дала бы слабину, и точно не отступила бы назад. Но нынешняя же застывает на месте и не спешит укорачивать остаток своих дней одним махом чужого несогласия с законом.

– Что? – не выдержав паузы, Гриша хмурится.

– Жду от тебя хоть какую-то реакцию.

– Ты сказала – я пошла.

– И? Ты каждого так будешь слушаться?

– Вопросы пришла задавать я.

Они нажимают друг на друга, сравнивая влияние. Грише думалось, что миниатюрная Ильяна – всего-то посыльная – совсем неопасна для неё, скорее выступает раздражающим мимолётным фактором; и, словно прочтя уничижительные собачьи мысли на свой великолепный кошачий счёт, она сверкает глазами:

– Вертухайка, – ругается первая.

– М-мятежница, – не остаётся в обиде вторая, чуть заикнувшись. Они будто опять

столкнулись плечами перед полуразваленной автобусной остановкой.

От общего к частному – кошка с собакой они и есть кошка с собакой. Гриша хмурится и отворачивается.

Обменявшись любезностями, они отступают – достаточно всего пары слов, чтобы удовлетвориться в упрямстве друг друга. Им не выгодно ссориться, но Гриша думает, что Ильяна заводит её в кабинет для разговора о подкупе или о шантаже. Ильяна же думает, что Гриша сама о ней не знает и просто пришла в клуб поразвлечься, что типично для любого уставшего от рутины гражданина. Про их стычку на остановке она совершенно не помнит (в то время как Рыкова не выпускает это воспоминание из головы), и, наверное, от того совсем не боится удостоверения в нагрудном кармане износившейся курточки.

– Краем уха услышал ваш диалог за стеной – если хотите, можем обсудить возникший конфликт.

Это будто заговор. Намереваясь уничтожить Григорию Рыкову физически, некоторые решили сделать это, сначала, морально.

Взгляд Ильяны не сочувственный и не жалостливый. Это работа, борьба и больше ничего. И всё же природная кошачья эмпатия ноет, как опухшая гноящаяся рана. Гришина беда сочтётся, но сама она от неё отворачивается, не желая замечать.

– В первую очередь мы говорим о том, что ни одна живая душа не достойна умиротворения по неестественной причине, – Альберт Харитонов заумен, высокопарен, подкован знаниями, но Григория не готова к такой поддержке. Никакие гибридные медицинские атласы не помогут залезть в крепко закрытую собачью душу.

– Хватит, – молит Ильяна за Рыкову, зная, что молчание той – надолго. Но после голоса её меняется. – Ей плевать на твои убеждения. Она пришла сюда показать нам, что готова перед смертью на что-то согнуться. Пришла выслужиться перед своими – до последнего вздоха.

Удивительно, как эта кошка точна в своих высказываниях. Рыкова захлёбывается на её полуслове, угадывая, к чему она начнёт клонить прямо сейчас.

– Заткнись! – Григория, вопреки решениям Ильяны, взревела нечеловеческим голосом. Собачьим рыком. – Кто ты вообще такая?!

Позже Ильяна расскажет, она – плохая девочка из плохой семьи. Но сейчас она лишь пожимает плечами, словно сама себя не знает. Гриша могла бы упрекать её молодостью, безрассудностью, но она только воет про себя по-волчьи, чувствуя у себя

в крови отголосок предков. Все они чувствуют – начался сезон охоты. И хищница тут, вопреки всему, Гриша. Ильяна на секунду вздрагивает от горячей хмурости пришедшей по её душу представительницы власти.

– Альберт, объяснись ей.

Харитонов мнётся, выгибая пальцы в неловкий замок. Он разбирает в своей практике различные сложные случаи, но мирить власть и сопротивление ему ещё не приходилось. Он не рад, что Ильяна совсем не воспринимает Гришу как серьёзную угрозу – по крайней мере, не признаёт этого вслух.

– Я представляю «Новую волну». Мы помогаем гибридам обходить законы, которые... которые стоят жизни. Мы знаем, что тебе сейчас тяжело. Возможно, некоторые идеи тебе не близки... – Альберт осторожно кивает на Ильяну, подразумевая её явные радикальные мысли. – Но мы на твоей стороне.

– Вы на её стороне. Я связная, – акцентирует наглая баляя, намекая, что не заинтересована в Гришином выживании.

Альберт говорит о каком-то спасении, но Гриша совсем не хотела от чего-то спастись. Не хотела уваливать, трусливо поджав хвост, потому что принимает смерть достойной наградой за службу. Её, наконец, отпускают в увольнительные, длинной в вечность. Ежедневно множество гибридов разрождается детьми, замкнутый в круг город гибнет от перенаселения, и ей всего лишь нужно уступить ранее арендованное место. Не все обязаны умирать в этом городе, и даже она могла бы остаться в живых, но должен же хоть кто-то. И не от голода бедной пенсии, не от руки пьяного супруга, не от тяжелых родов – просто так, в светлой палате, после крепкого вкусного ужина.

– Довольно этих бесполезных бесед, – Ильяна цокает языком и разводит руками. – Не хочет – значит не хочет. У вас есть много других забот – аборт, дети, браки, разводы... Пусть уходит.

Альберт вспыхивает, как будто юнцу отказали в свидании. Он бросается к столу Ильяны, сделанному из старой школьной парты. На их теперешней авансцене всё обретает вторую жизнь. Диван обит тканью старого покрывала; стулья – советские «Венские» – тщательно отремонтированные, перекрашенные; а с потолка свисает люстра такая старая, что даже на барахолках такую не сыскать. В Москве за такие вещи платили бы двойной ценой.

– Все заслуживают второй шанс, – молит Харитонов, стараясь найти контакт с Гришиными глазами, которые заполонили сухие слёзы. – Пожалуйста, Григория, дайте и нам шанс.

Совсем неясно, о чём говорит Альберт, но Гришу воодушевляет готовность Ильяны отказаться ей, рубая с плеча. Она горько усмехается, глядя в кошачьи бесстыжие глаза.

Илля замечает, как разнятся её зрочки – среди темных коричневых ям виднеется лужа, отражающаяся небо. Разного цвета, надо же!

– Что вы от меня хотите? Рассказывай, – хрипящая от беззвучных рыданий, приказывает Гриша.

– Мы хотим... Мы – «Новая волна» – хотим обеспечить нужную отсрочку от эвтаназии... я ошибочно дал вам доступ к ней... – мямля, начинает Альберт, но она его тут же прерывает. Предавший её психотерапевт теперь только раздражает.

– Нет, ты, – Гриша кивает на Ильяну. – Ил-ля, – впервые это имя звучит так неряшливо, издевательски и тяжело, – расскажи ты. Чем ты тут занята?

Ильяна поджимает губы. На фоне раздосадованной Рыковой кабинет кажется ей безвкусным и чужим. Лучше бы все эти вещи давно выбросили.

– Давай выйдем на крышу.

Ильяне не хотелось задохнуться вместе с Гришей. Терпкий собачий покорный запах кружил голову. Она хорошо собой владела – умела формулировать мысли и вести за собой людей. Может, только по причине Ильяниных воодушевляющих речей и до сих пор жила светлая мысль о будущем в головах её слушателей. Ей казалось, что Гришу увлечь будет не сложно. Не знающей хорошей жизни – ей, служебной! – будет легко показать все прелести свободного Славгорода.

Не за горами ты, современный Славгород – а среди сухих степей. Ильяна мечтала о нём и досконально знала, как говорить о нём. Ей помогало природное умение говорить простые слова из глубины себя. Там, где у балий, как говорят в народе – «мурчалка» – в самом деле, может, душа. И эта душа звучит сама собой в нежном рокоте урчащих слов. А о чём говорить – уже неважно.

Воздух свежий и минута обеим – подумать. И после Ильяна начала. Неспешно, с самого начала. О своих идеях и о благах. И Гриша, вроде, реагировала на сказанное. Охала, вздыхала, подавалась вперёд и возмущённо отстранялась. Рассказчица ждала вопросов – но нет. Беседы не клеилось. Гриша лишь послушно выслушала важный для Ильяны монолог и ещё немного молча смотрела вдаль.

– Понятно.

Это всё, что Гриша сказала. Ильяна рассказала ей всё – по крайней мере всё то, что требовалось знать. Неясным оставалось лишь то, хотят РЁВ свободы для гибридов, или же они желают запретить людей. У их организации были связи с врачами и школами, с социальными службами и даже с партией (вернее, её остатками), и именно балийская изворотливость помогла в этом.

– Сколько у тебя осталось жизней? Две, три? – Гриша усмехается. В самом деле балии,

как и все смертные, проживали всего-навсего одну.

– Очень остроумно для той, кто в зубах собственную цепь держит, – отвечает таким же тоном Илья, но улыбается – впервые, наверное, за вечер. Как-то искренне даже, и становится тепло.

Ильяна очень старалась донести до Гриши, что хочет ей помочь; да так, что и впрямь захотела. Она приказывает себе не привязываться к тем или иным «задачам» – так она называет тех, кому приходится помогать. В их деле есть неясная структура и в целом все равны, просто кто-то примыкает дольше, кто-то присоединился лишь вчера.

– И ты тут с самого начала, – предполагает Гриша.

– Неплохой из тебя следопыт, получается.

– Ты придумала это?

– О Пресвятой Лев, конечно же нет! – Ильяна фыркает от смеха. Это милее, чем фыркала медсестра, насмехаясь над Гришиным некрасивым уставшим лицом. Она упоминает балийского бога – значит, есть путеводная звезда, которой они в своей революции следует. От слова на букву «р» Гришу передёргивает.

Рыкова поднимается с крыши, хотя чувствует, что разговор ещё не закончен.

– Замечала, что у нас давно не видно звёзд?

– Что? – рассеянно переспрашивает Ильяна. – А. Да, наверное, с заводом связано. Всё небо заполнили отходы... Надо бы заняться этим вопросом, подниму его на следующем «рёве»... Ты куда?

– Домой. Спать. Кому-то завтра на работу, в отличие от мечтателей.

Интерес к Ильяниной организации у Гриши пропал сразу же, как только у самой Ильяны проснулся интерес к ней. Она совсем не доверяла этой заманчиво доступной помощи и по-прежнему тешилась уверенностью, что не нуждается в ней. Неблагодарно, да и что с того?

– Составишь на меня дело? Приставишь слезку? Посадишь всех? – Илья веселеет, хотя для веселья нет причин. Гриша не слышит её слова, потому что они бессмысленные. У неё самой нет никакой власти. – О, а посмертно у вас награждают?

Их шутки взаимно-болезненны, и Грише хотелось бы хоть раз увидеть эту кошку без издевательской, попустительской и безразличной гримасы. Её лицо словно всегда искажено тяжестью планов, и голова забита громкими мыслями, смысл которых собакам не понять. И, к счастью, Гриша и не пытается.

– Насколько тебе было больно тогда, когда это сделали с тобой?

На одетой Ильяне не виднелось шрамов, и ничего не выдавало в ней травм, но Гриша знала и чувствовала, что каждое сказанное слово царапает ей глотку изнутри.

Наверное, битый побитого чувствует.

– Мне не было больно. Но мне было пять. И семь. И десять. А потом пятнадцать. Четырежды пятнадцать. Дальше я перестала считать.

– И ты всё ещё веришь в Бога?

– В себя, – она аккуратно убирает одну-единственную слезинку. Гриша завидует ей: осталось ещё чем плакать. – Верю в себя. И ты в себя хоть разочек поверь. Потом. Как будет время.

Пресвятой Лев. Великомученица Анна Вирийская. Лесная община. Бог-озеро Топь. Герой Юрий Гагарин. Теперь Новая волна. Все как будто помешались. Откуда название-то такое взяли? Волна... никто из них даже не увидит моря. Хотя, если бы Гриша спросила, может Харитонов объяснил бы ей, откуда взялось такое название. Умные, начитанные вирии – только они читали о море и представляют себе, как выглядит море. Однако и они, какими бы ни были, всё равно застряли вместе с остальными.

Почему застряли? Никому не выгодно больше использовать гибридов в своих целях. Ни сила, ни красота, ни ум – людям давным-давно не нужны. У людей появились деньги – большие, некоммунистические, с большими значениями – и появилась сама по себе отдельная сила, невероятная красота и развитый ум: они всё это купили. Наверное, в новом ФСБ всё ещё лежат старые файлы с графой «Совершенно секретно», но краска печати на них поистерлась, а сама бумага обветшала. Большая земля ждёт, что Славгород сам себя сожрёт.

– Посажу. Сожру с потрохами. Обязательно, – Гриша улыбается напоследок и ныряет в маленькую дверь, ведущую на лестницу с чердака. Ей следует как можно скорее убраться из этого места и никогда о нём не вспоминать.

РЁВ – вычёркивает. Нечего ей с ними якшаться.

Грише хочется к Карпову. Выйти за него замуж, забеременеть от него той же ночью – всё, чтобы забыть о кошке и о её шайке добродетелей. Жаль, что первое запрещает закон, а второе – природа. Хорошие, надёжные мужчины не валяются на дороге, как ошибочно полагает предатель-психотерапевт, сдавший её Волне. Нужен ещё Грише какой-то домашний колотила, тот же пограничник! От этих никакие щенки не спасают.

Её первая привязанность – крепкая, незаменимая, благоговейная, великомученица-мать – вышла замуж и родила, бросив подругу запросто. Ни к чему хорошему это не привело. Все уже знают о её подвигах – «Славгородские вести» и «Комсомольская правда» наперебой пишут громкие заголовки, а радио и местное телевидение не умолкает от лживых новостей – мол, «истинное зло» наказано. Бабки у подъезда то признают героиню мученицей, то осуждают за распутность. Церкви то устраивают службы в память о её ребёнке, то всячески отрицают смерть в капсуле, в которую

помещают всех изъятых незаконнорожденных детей (это, мол, безопасный сон; пока не найдут бездетных родителей взамен). Всё в Славгороде идёт от противоречий – одних судят за лишних детей, а других за их отсутствие. И Гриша не в обиде – закон есть закон.

Два дня драгоценного оставшегося Грише времени минует – и всё это время лицо Мальвы Карповой преследует её и по делу, и без. В конце концов она сдаётся и идёт к ней на свидание.

Много раз она мечтала о нём: о том, как нежно Мальва будет щебетать ей сплетни, пока единственное разрешённое кино не закончится на самом интересном месте из-за внепланового отключения электричества во всём городе. Или, может быть, они выпьют покрашенного в красный винный цвет самогона, нарежут жалкие остатки еды из холодильника и до утра не будут спать, раздражая общажных соседей. Живот предательски закрутило.

Её облачили в белую простынь, навевающую образ Девы Марии. В такую скучную религию в Славгороде с советских времён не верят, однако ситуация требовала радикальных мер. Пять лет назад навь уже отвоевали право обучать детей в своей деревне, не контактируя с обществом – значит и вопрос о количестве потомства можно обжаловать, – так потребовали представители духовенств Славгорода и бесполезные правозащитные организации. Грише не противен вид Мальвы, но чем-то она её отталкивает. Из грешницы пытаются сделать богиню, и кто этому виной? Быть может, и сама Гриша, позволившая Мальве зазнаться в юности. Восхищаясь ею, она лишь вскармливала эгоистичного демона в хрупком бледном теле. Навь держатся годами вне социума – и вырвавшись из пут набожности своих бабок, стремятся отличиться и хорошим, и плохим.

Для Гриши Мальва видится похудевшей, постаревшей и осунувшейся. Во всяком случае, каяться не хотелось – не сильно Гриша во что-либо веровала. Как милиционерше, ей позволили войти в специальную комнату для временных свиданий с семьей и супругами. Тут Мальве даже не пялились в спину охранники. В колонии-поселении ей не позволяли носить простынь, которую использовали для газетных фото, однако роба заключённой была выбелена уже чуть ли не до дыр. Обтирая руки о низ живота после тяжких трудов в полях, она создала на ткани шрам из грязи, напоминавший всем её почитательницам о том, как жестоко и безвозвратно она лишена возможности иметь детей.

Тут Карпова не одинока: каждая женщина Славгорода носит на своём чреве хотя бы один шрам.

– Не думала, что ты придёшь повидаться.

В её голосе изменилось всё – от подбора слов до манеры и придыхания. Грише

приходится удерживать себя, чтобы не скривиться, будто от скрежета металла. Чутким ушам неприятно эхо комнаты, а Мальва намеренно пытается звучать, словно она – гром среди ясного неба.

– Откуда всё это? Неужели, ты выволокла эти повадки из своей секты?

О том, что происходит внутри озёрного круга, ходят лишь легенды. Семья Карповых давно исповедовала типичную для нав религию, схожую с шаманизмом, но из-за разногласий с законом Мальва переметнулась к радикалам. Вот они-то и топят неверных, лишь бы принести жертву своему богу, называя убийства ритуалами. Два озёрных берега не ладят. Петя всего лишь носит коловрат и окуривает спальню травами, а вот Мальва...

– Зачем ты пришла? – вопросом на вопрос атакует умудрённая опытом Мальва.

Мало-помалу им всё же приходилось сталкиваться, и всегда всё заканчивалось так, будто они по судьбе обречены быть врагами. Гриша арестовывала Мальву без особых сожалений – воспоминания, горести и совесть проснулись потом.

– Попрощаться.

– Уезжаешь в отпуск?

Ирония уместна. Только один хорт по собственному желанию мог бы покинуть Славгород – и его имя до сих пор прославлено на весь мир за открытие космоса.

– А-а, – Мальвино лицо просияло осознанием. – Точно-точно. К тебе вернулось то, на что ты сама меня обрекла.

– Приятно было повидаться, – Гриша старается не терять самообладания. – До встречи на твоём дне.

В аду – если по-навьи.

Мальва тут же залилась стенаниями. Рухнув на колени, она взвыла неведомую Грише молитву на едва разборчивом языке. Если бы у Мальвы был хоть один шанс стать настоящей мученицей, грехи Гриши приписывали бы ей в заслуги – и потому она оплакивала её теперь, ещё живую, чтобы этот вопль стоял в ушах даже тогда, когда будет слышен лишь звук капельницы. Злобная сука, вот ты кто, Мальва.

От души, казалось, отлегло, когда тюрьма осталась далеко позади. Всего-то пять километров пешком по пустырям – и спать.

Часть четвёртая.

Причины неконтролируемой агрессии у женщин психология симптомы что за болезнь /
Поиск

– Дохлый номер, – подаёт голос Вэл, громко хлопая дверью кабинета. – Собаки перегрызли провода.

– Неужели им самим не нужен интернет? Ну, хотя бы для порнушки? – Илья поднимает на вошедшего фирменный кукольный взгляд, словно от этого связь как-то вернётся.

Без толку – Вэл, во всей видимости, не обладает магическими способностями. Старый пузатый компьютер испускает страдальческий вздох и выключается от сильного нажатия ногтем. Чтобы хоть изредка пользоваться этой техникой, Ильяна и правда готова идти по головам.

– Выкладывай уже.

– Ты же знаешь условия, – Вэл наклоняется над столом и улыбается во все оставшиеся двадцать два зуба, восемь из которых отлиты из золота (или, скорее, из позолоченного железа). Многие бы приняли его улыбку за похабщину, но уж Илья знает своего отца: этот старый пройдоха если и намекает на что-то, то точно на свою долбанную игру в рыбалку.

Она выжидает ещё минуту, пока улыбка не становится заискивающей. Он явно что-то раздобыл и хочет поделиться за достойное его седой голове вознаграждение.

– Ладно, – она протягивает ему телефон с сенсорным экраном; старенький и разбитый, но ещё способный воспроизводить примитивные приложения с Большой земли. Так они между собой называют мир за пределами Славгорода.

Пользоваться техникой им негласно дозволено лишь в подвалах, чтобы никто нигде их не видел. Рядовой славгородец пользуется кнопочным телефоном – иногда даже цветным, если положение в обществе позволяет. Пишут на бумаге, хранят данные в папках и в архивах; водят машины советского автопрома (исключения – безрассудные подкупившие всех кругом мужики, вроде Иллиных родителей); занимаются исключительно полезной деятельностью под надзором остальных. Никому не выгодно, чтобы у них здесь была мало-мальская пригодная для жизни дыра. А они всё недохнут, как не топчи. Ох, эта система! Как же Ильяна рада идти против неё напролом.

Вэл восторженно выхватывает телефон из дочериних рук, поудобнее усаживается на диван и, пока грузится приложение, выкладывает ей всё, что узнал. Говорит и басит: родители мертвы, мужа и детей нет, круглая одиночка, никому даже не друг, бла-бла.

Самому интереснее светящийся маленький экранчик. Видя его искренний восторг от завершенного дела (или уровня в игре), Илля в очередной раз удивляется, кто тут кому ребёнок.

– Что ж, – отрешённо подытоживает Ильяна, когда рассказ подходит к логическому краткому концу. – Получается, никакая опасность нам не грозит.

– О нет, – в очередной раз загадочно улыбается Вэл, – я тебе говорю: все кругом неё безынициативны и безопасны. Но вот она...

– Я с ней общалась – безвольный робот, порабощённая ватница. Верит в партию, верит в благо собственной смерти. Даже не понимает, зачем это всё придумано и откуда взялись такие правила. Была здесь, в нашем логове, и не удосужилась ничего расспросить. Только плакала и ныла.

Ильяна знает, что Вэл сейчас скажет. У него на всё один ответ.

– Вот когда ты малая была – тогда...

– Хватит! – Илля сурово хлопает по столу ладонью и даже не шипит, когда чувствует тяжесть от удара в суставах. – Добрее была, знаю! Я и сейчас добрая – но одной добротой за это всё не расплатишься.

Довольный отцовский взгляд мрачнеет. Уж какой он колодец грехов в своём прошлом хранит – одному Гагарину, бороздящему космос, известно. Ему нравится говорить своей приёмной дочери – «вся в меня» – но тогда он подразумевает свою хорошую, осветлённую тяготами семейной жизни, сторону. Сейчас она тоже «вся в него» – в того, которого не застала и знает только по слухам.

– Поберегись её. Оставьте в покое всех, кто с ней связан – и её саму, – предостерегающе говорит Вэл, инстинктивно касаясь челюсти, которая пострадала от давней встречи с местным КГБ. Сейчас осталась только милиция. – Конечно, куда тебе мои слова. Ты же собралась к ней в гости сегодня.

Ильяна вспыхивает смущением, и отворачивается к стене лицом. Там должно быть окно, но они в подвале. Всю жизнь скрываются – сначала нельзя было упоминать семью, с которой живёшь; теперь нельзя упоминать и себя саму.

Забылось как-то, что они тоже люди. Может, чуть более дикие, однако живые и настоящие, пока не убьют. И как же Илле, всю жизнь борющейся за свою жизнь, так легко допустить смерть этой Рыковой?

– А знаешь что? – Ильяна упирает руки, пощипывая себя саму за бока. – Ты прав. Не стоит мне с ней возиться. Дела и похуже есть.

– Да-да, – недоверчиво хмыкает он. – Молодые вы, вот и безмозглые.

Вэл Зильберман, как это иногда бывает, позвякивает своей старой закалкой. Он живёт

чужой жизнью, давно истратив свою настоящую, данную такими же покорными родителями-хортами, как и Рыкова. Когда-то он тоже стоял перед выбором в свои тридцать пять – и правильно сделал, что выбрал жизнь. Ильяна и представить не может, что было бы с ними – с ней и Лавром, – если бы Вэл стал очередным прахом в подвале института Брюхоненко. Сергей Брюхоненко, кстати, делал здесь с ними то же самое, что своими живыми головами, отделенными от собачьих тел – его тоже заперли здесь за какие-то шпионские взаимодействия с американскими спецслужбами. Потом убили пациенты, обезумевшие – они соглашались на эксперименты ради еды. Да и сейчас практика жива, нужно же как-то гибридов до конца изучить.

– Ты невыносимый дед.

– Ещё не дед, – стреляет он глазами, поправляя серебристые от седины волосы, – да и не хотелось бы.

У них простой семейный устав: не приводи новую жизнь в мир, пока сам с собой не разберёшься. Поэтому вместо обыкновенной женитьбы, рождения детей и продолжения работы на заводе, Валерий Серебряков выбрал торговать наркотиками, стреляться с плохими парнями и вылавливать красавчиков с преступной стороны Славгорода. Теперь Ильяна вынуждена терпеть нравоучения от просроченного на двадцать лет хорта, который сумел избежать смерти.

– Я просто хотела проверить ту же аферу, что и ты, – немного запоздало, но Ильяна старается оправдать свою жестокую настырность. «Никому бы не понравилось, если бы к нему лезли прямо перед самым гробом», скажет он.

– Вечно у тебя какие-то аферы, Илюша. Никому бы не понравилось, если бы к нему лезли перед самым гробом, – блещет предсказуемостью Вэл, уставившись в дорогой сердцу экранчик, чтобы избежать жгучего взгляда дочери. – И мой опыт тут не при чём.

– Но у нас есть готовый план действий! Я бы не лезла, если бы не знала, что могу помочь! – Ильяна ловит молчаливое осуждение от отца. – Это только потому, что она из милиции?

У балий куда более прозаичный метод отбора. Они либо годятся для обслуживания людей, то есть красивы и чрезмерно эмпатичны, либо не имеют никаких перспектив. Пусть родители и не допустили, чтобы жизнь Илли докатилась до распределения, сама она прекрасно осознаёт: помогать это призвание. Она – всего лишь брошенный на улице котёнок, которого подобрали богатые мужчины и вырастили в хищную рысь; но, если бы она так и осталась там, на помойке, она либо умерла, либо помогала людям через раздвигание ног. Что тут скажешь? Её вид создали для ублажения потребностей, а они бывают всякие. В разговоре с Гришей Илля не стерпела, и упомянула лишь меньшее из домогательств, которые с ней случались; и это случается постоянно, даже несмотря на то, что её отец не расстается с пистолетом.

– Послушай, – отец поднимается и делает шаг навстречу, чтобы примириться, – она бы боролась, если бы хотела. У неё нет семьи, и нет жизни, за которую стоило бы

цепляться. Поверь мне, жизнь хорта – та ещё каторга. Ты уже и забыла, какого это было – в обычном мире.

– Не попрекай меня, – Ильяна хмурится, но тоже подходит ближе. Уж кто-кто, а Вэл всегда старается её поддержать. Он сделал всё, чтобы РЁВ превратился из подвального сборища в мощную опасную структуру, которую не стоит недооценивать – и всё это потому, что способен на любовь. – Ты сам вынудил меня позабыть обо всех тяготах и заниматься только тем, что нравится.

– Всем не поможешь.

– Но нужно пытаться. Это основа.

– У них – другая, – напоминает он про тех, кто в самом деле принимает за РЁВ решения. И они – не Ильяна. – Ты и так много стараешься.

Вэл поднимает ладони вверх и разводит их – похоже, сдаётся.

– Ну, может она тебе вдруг дорога – тогда пытайся.

Ильяна смущённо отворачивается. Может, Гриша и симпатична, но это не имеет никакого значения. Ей бы не помешала партнёрша с волевой выдержкой, знающая всё о внутренней милицейской системе. О своих планах Илля молчит – это касается только тех, кто входит в РЁВ. Отец, хоть и помогает, делает это из пенсионной скуки; настоящие сторонники должны быть вовлечены и радикальны.

– Мы с ней друг другу никто.

Женщины сами собой занимают голову Гриши, и она гонит их из мыслей безуспешно. Серёжа смеётся над ней – говорит, что любому достаточно отвести душу с проституткой, и лютый недотрах отпустит. Но дело не в сексе, кажется Грише. Дом, в котором она выросла, кипит страстями каждый день. Все заполнено эмоциями – перед каждой дверью стоит любовь и ненависть, страсть и безразличие, встреча и разлука. И лишь Гришин порог пустует – на него сунется только пьяный попросить сигарет, или Серёжа – за солью или со сплетнями. Ей странно вдруг быть одинокой: кругом только мебель и стены. Ни семьи, ни близких.

Каждый, кого Гриша считала бы своими, близкими, родными – либо погибают, либо исчезают бесследно. Она проклятая, с печатью – не трогай, убьёт? Или ей просто предначертано потерять всех, чтобы никто не скучал?

Мальва – уж она-то в тюрьме не то, что выживет – переродится. Петина служба пойдёт в гору. За маминой могилой можно не ухаживать, удивительные съедобные кусты с красными ягодками растут там сами собой, не страшась алтайских зим и степных ветров. Отец не ищет Гришу, и скорее всего давно за предательство семьи усыплен –

мама о нём всю жизнь ни слова. Некоторые бывшие и несбывшиеся помянут на какой-нибудь Юрьев день, опрокинув рюмочку – на большее Гриша не рассчитывает.

Мокрые от слёз ресницы слипаются в печальной дрёме. Сегодня она не ужинает, и даже не помнит, что происходило на работе. Все дни сливаются в кучу. Гриша не пытается вести счёт, или насыщать остаток жизни событиями – иногда ест, иногда спит, гоняется за преступниками и хватается за дела-глухари; пару раз заходит на самодельный кальян к Серёже и помогает ему лечить синяки после нерадивых ухажёров и их ревнивых жён, потому что общаться больше не с кем; в общем – доживает ровно так, как и живёт.

Думает об Илле, но не решается вернуться в «Коммунист». Там её не ждут, потому что в чёрно-белом Рыковском мире строгий отказ лишает тебя права просить помощи самой. Переваривая Мальвин яд, Гриша давится. Заслужила она, видимо, Пару раз допускает мысль: может, стоило бы согласиться на помощь? Но в чём бы ей помогли, и главное – от чего? Всё же идёт своим чередом. Родиться, пригодиться, убраться с глаз долой.

Слабачка! Гриша тихо всхлипывает, когда в дверь раздаётся ритмичный стук кулаком. Осталось меньше трёх недель, и можно будет спокойно ложиться в больницу, и в палату с инъекцией в руках медсестра войдёт без разрешения.

Она лениво плетётся открывать дверь и не смотрит в заляпанное потолочной краской зеркало – нет нужды. Вряд ли Гриша сильно изменилась на пороге своего тридцати пятилетия – всё то же угрюмое лицо с веснушками.

Гриша ожидает увидеть на пороге Серёжу, на крайний случай пьяного соседа или хотя бы Карпова, но по ту сторону тесной комнаты оказывается та, кого представить в таких условиях невозможно. На её фоне обшарпанные стены приобретают вид особого заброшенного винтажа.

Рыкова оторопело смотрит на Ильяну и жадно изучает каждую её деталь: крепко застегнутое пальто, растрепавшиеся от ветра волосы, носки ботинок, обращенные по-детски друг ко другу, сцепленные за спиной строгие руки – всё сейчас в ней одновременно странно и совершенно. Гриша ничего не смыслила в красоте, но нутром чувствовала, что женщину красивее Ильяны вряд ли можно найти. Или, может, ей так казалось в порыве скребущего в груди одиночества?

Заспанная, заплаканная – ничего не укрылось от внимательного кошачьего взгляда в мутном свете коридора. И всё же, несмотря на Гришину разбитость, Илля с пониманием улыбается и приподнимает пакет с едой. Ей тоже сегодня особенно паршиво – потому и пришла. Коты всегда смелее собак; если кто-то нравится – то лезут, а не просто ошиваются рядом. Гриша не приближалась с Ильяниному дому и офису, но взгляд её особенных глаз как будто преследовал, внимательно упираясь в

шею, там, где она переходит в спину. Самое приятное для поцелуев место. Или удачное для удара, чтобы сразу и наверняка переломать шею.

Гриша хочет спросить – «Что ты здесь делаешь?» – но не находит сил, и молча пропускает свою новую не-подругу в комнату и плотно закрывает дверь на засов, неловко извиняясь за беспорядок вокруг. Ильяна лишь оглядывается, удивляясь армейской аккуратной пустоте и вещам, разложенным по полочкам, чуть припорошённым пылью – если в комнате и был хаос, то только в их головах.

– Я не знала, что ты любишь, поэтому захватила самое обычное, – неловко начинает Илля вместо приветствия – выкладывает на небольшую тумбочку хорошо упакованный салат и целую небольшую курицу. У Гриши автоматически выделяется слюна – хорошо сработал на запах рефлекс. – Как у тебя дела?

Дружить приятнее, чем враждовать. Гриша предлагает гостье сесть на сложенный диван (для себя ночами она его давно не раскладывает), и обещает принести чай, как только соседи освободят кухню. Привыкшая к хорошей жизни, балия заметно смущается от коммунальных правил и аккуратно достаёт финальный аккорд предлагаемого ужина – особое вино, которое позволяет хмелеть даже быстро усваивающим алкоголь гибридам. Отцовская коллекция богата такими крепленными штуками, и обычно Ильяна не пьёт. Но за день международной женской эмансипации... Можно и не чай.

Гриша от смущения вспыхивает и тут же вскакивает, обещая, что сейчас добудет им стаканы. Судя по решительному тону, ей предстоит чуть ли не бой за посуду.

Оставшись наедине с комнатой, Ильяна проигрывает балийскому любопытству и, пока снимает пальто, умудряется разглядеть всё, что уместилось на скромных квадратных метрах. Тут и старенький шкаф с потрескавшимся от времени лаком, и давно-забытые, видимо выставленные мамой, детские и юношеские фотографии на тумбе рядом. Благодаря старой бумаге Ильяна с удивлением обнаруживает, что у Гриши красивая улыбка с ямочками.

– Хорошенькая... – тихонько мурлычет она и осторожно касается кончиками пальцев пыльного слоя. След выдаст её слабость следовательнице в два счёта. Остаётся уповать, что Гриша не так уж и хороша в своей профессии.

Рыкова возвращается чуть погодя – зачем-то задерживается, чтобы почистить зубы и умыться. Холодная вода чуть отрезвляет её, ещё сонную, но не разуверяет в том, что Ильяна собственной персоной пришла к ней сама, и притом совсем не для разборок. Гриша подозревала, что существуют такие дни, которые объединяют женщин без причин. Она никогда не праздновала мартовские праздники, потому что тонула в мужских коллективах и считала «других баб» какими-то совершенно непохожими на себя.

Ильяна умудрилась сделать из шатающейся тумбочки – роскошный стол; из дивана – удобный уголок для расслабления; из оливье и курицы – чуть ли не настоящий праздничный ужин. Вдруг Гриша чувствует себя женщиной, словно Ильяна начинает смотреть на неё иначе – как на возможную соратницу, возможную подругу и очевидно для неё – равную себе. Теперь Гриша улыбается ей по-настоящему: являет свои ямочки, морщинки в уголках глаз, острый крепкий ряд зубов.

– За женщин, – Ильяна поднимает жестяную эмалированную кружку. Гриша послушно стучит своей по ней в ответ. – И за твою терпеливую силу.

– И за твой напор, – вторит Гриша. – Не сдавайся ни перед чем.

Приятные слова дороги каждой. Может ненадолго и не до конца, но они понимают друг друга. Этого хватит, чтобы разбежаться опять по разные стороны и глядеть издали, но уже без ненависти и осуждения. Им – славгородским женщинам – лучше быть заодно.

Дорогой читатель!

Большое спасибо за то, что ты нашла (нацёл) время для моего “Славгорода”. Пишу это дрожащими руками, потому что очень переживаю за твою реакцию и твои впечатления. Да, фрагмент небольшой, ведь книга ещё в процессе редакции. Я опираюсь на свой опыт: обычно я сама читаю ¼ книги в электронном варианте и покупаю бумажную, это хороший способ знакомства. Поэтому главный вопрос моего маленького писательского исследования – “хочется ли продолжать чтение”?

Мне очень важно найти своих читателей и я верю, что ты – среди них. Расскажи мне искренне, что тебе понравилось, а что нет. Я подготовила анонимную форму для общего понимания и среза статистики разных мнений. Надеюсь, вопросы не окажутся сложными: <https://forms.gle/TnzxuGDHo7nDKLRWA>

Или пиши мне лично в свободной форме своё мнение – я только за!